Томский государственный университет

На правах рукописи

Демин Михаил Александрович

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII В.

Специальность: 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук

Томск – 1997

Работа выполнена в Барнаульском государственном педагогическом университете.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор
Л.П. Белковец;
доктор исторических наук, профессор
А.Н. Жеравина;
доктор исторических наук, профессор
Д.Я. Резун

Ведущая организация: Алтайский государственный университет

Защита состоится 23 октября 1997 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д.063.53.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук в Томском государственном университете (634050, Томск, пр. Ленина, 36).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан ______ сентября 1997 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук,
профессор В.П. Зиновьев

Актуальность темы определяется как собственно научными, так и общественно-политическими факторами. Во-первых, важный с историографической и источниковедческой точек зрения сюжет о формировании и развитии в России исторических представлений о народах Западной Сибири на начальных этапах освоения края до сих пор не подвергался специальному монографическому изучению. Это ведет к обеднению целого пласта современных историко-научных знаний, искажению оценки той источниковой и теоретической базы, на которой строилась вся последующая, в том числе академическая наука, нарушению пропорций, присущих взаимодействию различных форм накопления исторической информации. В результате затрудняется понимание процессов, имевших место не только в прошлом, но и в наши дни.

Во-вторых, проблемы, связанные с особенностями функционирования аборигенных культур, религиозными верованиями и этногенезом автохтонов, отношениями русского и коренного населения остаются актуальными, а то и остро дискуссионными в целом комплексе современных гуманитарных наук. Данное обстоятельство заставляет с особым вниманием отнестись к возникновению и первым опытам осмысления этих злободневных и ныне вопросов, выявить совокупность политических, мировоззренческих и историографических факторов, влиявших на их постановку и решение на том или ином этапе развития общественной и исторической мысли.

В-третьих, тема, затрагивающая прошлое аборигенных сообществ Сибири, их подчинение Российскому государству и образование нового обширного этнокультурного конгломерата, приобретает в настоящее время особую остроту в связи с обострением межэтнических противоречий, разработкой перспективных моделей национально-федеративного устройства нашей страны и поиском оптимальных форм сохранения исчезающих традиционных культур. Обращение к ранним описаниям западносибирских народов помогает лучше понять самобытность и внутреннюю целостность автохтонных социумов, выявить истоки этнических стереотипов и историографических трафаретов и осознать необходимость истори-

чески приемлемых, взвешенных и научно обоснованных подходов в практике национального строительства.

Предметом исследования является процесс накопления и осмысления информации о коренных народах Западной Сибири в русском обществе конца XVI-первой трети XVIII века.

В соответствии с современными методологическими наработками в области истории исторической науки эти сюжеты определяются в диссертации как историография. Исходя из положения о расширении предмета историографических исследований, автор рассматривает историю этнографических знаний во всех возможных для изучения формах и проявлениях с учетом и на фоне факторов общекультурного и социально-политического развития Российского государства. Представляется, что такой подход особенно важен при обращении к средневековому и раннему новому времени, когда историческая мысль еще была неотделима от общественного сознания в целом и не аккумулировалась в каком-то определенном виде письменных памятников. Привлекая различные по природе и происхождению историографические факты, диссертант солидарен с теми авторами, которые понимают под ними всю совокупность исторических фактов, содержащих данные не только о самой науке, но и о вне- и донаучных формах накопления исторических знаний и о тех реальностях, что воздействовали на этот процесс. Собственно специфика и тематическая целостность выделенного нами предмета исследования заключается в том, что он охватывает преимущественно донаучный период познания сибирских аборигенов, в рамках которого с течением времени происходит зарождение элементов научного подхода, а на заключительной "переходной" стадии наблюдается их качественное наращение.

Целью диссертации является реконструкция ранней отечественной историографии коренных народов Западной Сибири во всей ее многогранности и полноте.

В соответствии с целью исследования поставлены следующие **задачи**:

– очертить круг источников, содержащих сведения о сибирских аборигенах; показать зависимость представленной в них информации и способов ее предъявления от жанровых и стилистических особенностей исторических текстов;

– определить основные приемы и методы изучения автохтонного населения и их связь с решением более общих практических задач государственного характера;

– осветить процесс познания сибирских народов и выявить его внутреннюю логику, проследить формирование и развитие концептуальных идей, рассмотреть, как положительные знания вписывались в существующую систему мировидения;

– выяснить, как этнические установки и стереотипы проявлялись в письменных памятниках, какое влияние оказывали на историческую мысль, господствовавшие этические нормы и историографические каноны.

Территориальные рамки исследования охватывают Западную Сибирь, включая Западно-Сибирскую равнину и две горные области – Алтайскую (так называемый Русский Алтай) и Кузнецко-Салаирскую.

Хронологические рамки темы ограничиваются концом XVI-первой третью XVIII века и определяются преимущественно донаучным характером накопления и осмысления материалов о коренных народах Западной Сибири. С конца XVI столетия на смену эпизодическим контактам и спорадическим сведениям о сибирских автохтонах приходят постоянные взаимоотношения, сопровождавшиеся непосредственным знакомством и изучением местных жителей. Приблизительно с 70-х годов XVII века в описания аборигенов проникают элементы исследовательского подхода, которые в первые десятилетия следующего столетия достигают определенной зрелости. Однако лишь с 30-х годов XVIII века в связи с изысканиями академических экспедиций, народоведческими работами В.Н. Татищева и другими явлениями общественно-политического и историографического

порядка начинается совершенно новый период научного комплексного широкомасштабного изучения Сибири и ее населения.

Методология и методы. Автор опирался на общенаучные гносеологические принципы и методы познания и их конкретизацию в трудах по методологии исторических исследований. Сочетание и комплексное использование историко-генетического, сравнительно-исторического, проблемно-хронологического, историко-системного и других методов позволяют *конструировать собственное* "измерение" историографического процесса и проводить критический разбор источников. В частности, в рамках историко-системного подхода большое внимание уделялось выяснению сущностно-содержательной природы аборигенных обществ и формированию у них интегративных качеств в масштабе российской хозяйственно-административной системы и отражению этих явлений в письменных памятниках.

С учетом того, что источник, а тем более историографический, несет в себе информацию не только об объекте, но и о субъекте познания автор использовал некоторые методологические наработки исторической антропологии, этнической психологии, семиотической школы знаковых историко-культурных систем и теории менталитета. Анализ материалов, касающихся такой тонкой сферы человеческих взаимоотношений, как межэтнические контакты, требует расшифровки специфики мировидения людей определенной эпохи, культуры или социальной группы, той "картины (модели, образа) мира", "стиля мышления" и "кодекса поведения", что обычно определяются в современной науке как менталитет или ментальность.

Недостаточная разработанность этих понятий не освобождает исследователя от необходимости учитывать влияние этнических установок и формирующихся на их основе стереотипов восприятия, интерпретации и поведения на процесс накопления и осмысления данных о коренных народах.

Источниковая база. Согласно принятой в источниковедении классификации, использованные в диссертации материалы подразделяются на документальные, повествовательные (нарративные) и картографические.

В свою очередь, документальные делопроизводственные источники, включающие данные о коренных народах и в какой-то мере отражающие представления русских людей о характере аборигенных культур, состоят из нескольких групп. Среди них назовем "наказы" или "наказные памяти" - письменные предписания, которые выдавались царским правительством руководителям сибирской администрации. Последние в свою очередь снабжали ими служилых людей, направлявшихся с целью "прииска новых земель", ясачного сбора или выполнения других заданий. Особую ценность имеют свидетельства самих служилых людей, проникавших в автохтонные волости и вступавших во взаимоотношения с местными жителями. Это письменные или устные донесения о результатах экспедиций, которые оформлялись в виде "отписок", "скасок", "доездов" и "распросных речей". Живой голос непосредственных очевидцев первоначального освоения Северной Азии, причем как с российской, так и с аборигенной стороны содержат многочисленные "челобитные" – прошения в официальные инстанции представителей различных слоев сибирского общества.

К материалам "приказной литературы" неоднократно, начиная с Г.Ф. Миллера, обращались ученые, в том числе и в этноисторических исследованиях. Вместе с тем в диссертации впервые предпринята попытка использовать эти свидетельства для характеристики этнических представлений русских людей, осмысления ими своеобразия автохтонных культур Западной Сибири. Путем сопоставления различных видов источников удалось отметить, какое воздействие оказывали содержание и стилистика делопроизводственных документов на другие описания коренных народов.

К документальным памятникам близки и тесно связаны с ними частные и обзорные картографические труды. Наряду с данными общегеографического характера они включают информацию о расселении, этнической и административно-генеалогической принадлежности аборигенных

групп, отдельных сторонах хозяйства и быта. Особый интерес для изучения рассматриваемой темы имеют чертежные атласы известного тобольского картографа С.У. Ремезова.

В диссертации сопоставлены этнографические свидетельства картографических и документальных памятников, отмечена фактологическая полнота, достоверность и практическое предназначение чертежных материалов и в то же время высказано предположение о влиянии на составителей некоторых всесибирских географических карт книжной традиции изображения зауральских обитателей.

Использованные в работе нарративные источники подразделяются на несколько групп. Одну из них составляют летописные сочинения, среди которых центральное место занимают исторические повествования о походе Ермака и присоединении западносибирских земель к Российской державе, получившие в литературе условное название сибирских летописей. Автором впервые с историографической целью проанализирован комплекс летописных известий о коренных народах, содержащихся в Есиповской Основной, Забелинской, Лихачевской и Распространенной редакциях, Абрамовском и Титовском видах, Румянцевской, Погодинской, Бузуновской, Кунгурской, Строгановской, Хронографической и Ремезовской летописях, "Летописце вкратце", статье "О взятии царства Сибирского" из Нового летописца, "Кратком описании о Сибирстей земли и о похождении атамана Ермака" и других текстах.

Отдельные сведения об автохтонном населении присутствуют в Сибирском летописном своде, в частности, в Книге записной ("Записках, к сибирской истории служащих"), Головинской, Нарышкинской ("Описании о поставлении городов и острогов в Сибири") и Шлецеровской редакциях, а также в близком к этой группе памятников "Сибирском летописце".

В диссертации прослежено, как в соответствии с идейными, историографическими и художественными особенностями произведений изменялась общая оценка аборигенных культур и религиозных верований коренных жителей, понимание прошлого сибирских народов и роли русской ко-

лонизации. Этногеографические обзоры в большинстве летописных сочинений играют вводную, второстепенную роль, выходя за рамки событийной канвы повествований, а то и образуя совершенно самостоятельную тему со своими источниками и жанровыми различиями, как это имеет место в Хронографическом летописце и "Описании Сибири".

Другую большую группу письменных памятников составляют сообщения участников дипломатических миссий в Китай и Джунгарию Ф.И. Байкова, Н. Спафария, И. Идеса, А. Бранда, Л. Ланга, Дж. Белла, Ив. Унковского и других.

Сведения о коренных народах Сибири в расспросных речах и росписях первых российских посланников в азиатские страны близки к отпискам землепроходцев и другим документальным материалам. Последующие путевые описания отличаются не только полнотой и разнообразием данных об аборигенах, но и наличием элементов исследовательского подхода. Останавливаясь на причинах этого явления, автор подвергает сомнению заключение В.Г. Мирзоева о том, что сбор информации о населении Сибири непосредственно входил в круг должностных обязанностей путешественников и высказывает предположение, что эти наблюдения не укладывались в рамки служебных поручений и во многом обусловливались личной инициативой, любознательностью и европейской образованностью руководителей и участников российских посольств.

Выделенная в диссертации ввиду ее важности для раскрытия темы группа специальных этногеографических описаний, с одной стороны, тесно связана с посольскими и летописными сочинениями, а то и входит в их состав, а с другой – обнаруживает зависимость от делопроизводственных и картографических материалов. Это соответствующие разделы Хронографической повести и "Описания Сибири", "История Сибири" Ю. Крижанича, "Описание о сибирских народах и граней их земель" ("Второе описание Ремезова"), сохранившееся в составе неопубликованной "Летописи Сибирской" И.Л. Черепанова, "Северная и Восточная Тартария" Н. Витсена, "Краткое описание о народе остяцком" Г.И. Новицкого и дру-

гие работы. Особняком здесь стоят имеющие уже преимущественно научную направленность дневники экспедиции Д.Г. Мессершмидта и труд Ф.И. Страленберга "Северная и Восточная части Европы и Азии".

Эти произведения отличаются характером и объемом использованных источников, степенью достоверности и новизны, теоретической зрелостью и историографическими пристрастиями авторов. Некоторые из них прибегали к богословским толкованиям и вымыслу, другие заботились о надежности полученной информации и искали ответы на сложные вопросы настоящего и прошлого сибирских аборигенов в окружающей действительности и реальных событиях. Сближает все эти сочинения тематическое единство, целенаправленный интерес к жизнедеятельности коренного населения и обобщение результатов непосредственных наблюдений над автохтонами.

Диссертант рассматривал этногеографические описания XVII – первой трети XVIII века не только с точки зрения содержащихся в них фактических данных по этнографии или археологии, которые отчасти уже использовались предшествующими исследователями, а стремился воссоздать процесс накопления и развития исторических знаний о коренных народах Западной Сибири, выявить приемы и методы сбора и обработки материалов, показать зависимость теоретических построений авторов от традиционных этнических представлений и историографических канонов.

Сформулированная в диссертации цель всесторонней реконструкции ранней отечественной историографии сибирских аборигенов обусловила обращение не только к указанным выше группам источников, но и к законодательным, статистико-экономическим и другим опубликованным и архивным материалам.

Историография темы. Русская историография коренных народов Западной Сибири конца XVI-первой трети XVIII века не являлась темой специального монографического изучения, однако выбор ее в качестве предмета исследования потребовал учета широкого круга разработок в различных отраслях гуманитарного знания.

Участники академических экспедиций Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, С.П. Крашенинников, И.Е. Фишер, П.С. Паллас, И.Г. Георги и другие ученые-энциклопедисты XVIII века, как правило, были хорошо знакомы с сочинениями о Сибири писателей и путешественников XVI-начала XVIII века, но ввиду содержавшихся там богословских пассажей и вымыслов с позиций рационализма оценивали их обычно критически. Гораздо больше внимания они уделяли известному по переложению И.Б. Мюллера произведению Г.И. Новицкого и трудам Д.Г. Мессершмидта и Ф.И. Страленберга. Так же, как и большинство последующих, в том числе современных авторов, эти работы интересовали их главным образом в плане наличия фактических сведений по сибирской этнографии и археологии. Что касается общеисторических построений своих предшественников, то они, чаще всего, затрагивали их лишь в полемическом плане, указывая на необходимость пересмотра устаревших воззрений.

Во второй половине XVIII-XIX веке был введен в научный оборот большой корпус документальных, повествовательных и картографических источников по истории Сибири, значительно расширивший источниковую базу народоведческих исследований. Г.И. Спасский издал ряд летописных текстов, сочинение о Северной Азии Ю. Крижанича, а также серию этнографических и археологических материалов и использовал применительно к Сибири сам термин этнография ("етнография"). Г.Н. Потанин проанализировал "Список с Чертежа Сибирския земли", записки путешествия Н. Спафария и Чертежную книгу С. Ремезова, связал ряд упомянутых там этнических групп с современными ему народами и указал на отмеченные в этих произведениях объекты аборигенной старины. В.В. Радлов опубликовал обширную подборку ценных свидетельств XVII-XVIII веков о сибирских древностях. Однако все эти материалы, важные для становления этнографии и археологии Сибири, как специальных научных дисциплин, мало продвинули изучение собственно историографических сюжетов.

Тем не менее общее развитие гуманитарных знаний и введение в оборот широкого круга источников способствовали разработке историко-

научной проблематики в капитальных трудах Н.И. Попова, П.П. Пекарского, А.Н. Пыпина. В четвертом томе "Истории русской этнографии", большая часть которого посвящена Сибири, А.Н. Пыпин обратил внимание на связь сибиреведческих работ с общими процессами, происходившими в российском обществе. По его мнению, изыскания землепроходцев XVII века осуществлялись "первобытным эмпирическим" способом, исходя из соображений прибыли и добычи. Крайне медленный рост исторической любознательности в нашей стране, на его взгляд, отчасти компенсировался иностранными сочинениями о Сибири. По заключению ученого, и в XVIII веке народоведение в России оставалось своеобразной "литературной кунсткамерой", занимавшейся лишь внешним соединением фактов. При этом сам труд А.Н. Пыпина представлял из себя преимущественно историю путешествий и описание внешних сторон предприятий по исследованию Северной Азии. И хотя в разделе о современном состоянии сибирской этнографии он указывал на необходимость изучения этногенетических вопросов, аборигенно-русских связей и других важных исторических проблем, но применительно к историографии XVII-XVIII веков эти аспекты им фактически не затрагивались. Это же можно сказать об "Очерке истории Сибири до начала XIX стол." В.И. Огородникова, содержавшего обстоятельный обзор исторических сочинений о сибирском крае, не претендовавший, впрочем, на полноту освещения и оригинальность оценок предшествующих авторов.

Новый уровень историко-сибиреведческих исследований связан с именем С.В. Бахрушина. Уже в первой научной публикации, посвященной Сибири (1916), он проанализировал литературный памятник рубежа XVII-XVIII веков – "Историю Сибирскую" С.У. Ремезова. Впоследствии вопросы источниковедческого и историографического характера занимают важное место в работах ученого. В "Очерках по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.", статьях "Основные течения сибирской историографии", "Г.Ф. Миллер как историк Сибири" и других он исследовал ряд произведений XVII – начала XVIII века, уделив главное внимание источникам,

хронологии и взаимоотношению сибирских летописей. В целом высокую оценку С.В. Бахрушин дал творчеству Ремезова, полагая, что он приступил к исполнению того же плана "научного изучения" Сибири, который позже осуществил Г.Ф. Миллер, и характеризуя "Историю Сибирскую" как "ученый исторический труд". Однако ввиду отсутствия в научном обороте Хорографической книги и "Второго описания Ремезова", Бахрушин не смог рассмотреть вклад тобольского "снискателя" в разработку темы сибирских аборигенов. Указывая на преемственность в изучении Северной Азии в XVII-XVIII веках, он тем не менее проводит четкую грань между деятельностью Г.Ф. Миллера и академических экспедиций и изысканиями предшествующего периода, подчеркнув, что собственно научное исследование народов Сибири началось с 30-х годов XVIII века.

Ряд работ С.В. Бахрушин посвятил истории коренного населения Западной Сибири и вопросам русской колонизации края. Не останавливаясь на оценке ученого конкретных исторических сюжетов, что увело бы нас за рамки данного историографического обзора, отметим, что в его трудах впервые опубликован и проанализирован большой корпус письменных и прежде всего документальных источников XVII века. Поставив на первое место по важности проблему изучения истории автохтонных обитателей Сибири и их взаимодействия с русскими людьми, он выдвинул задачу всестороннего использования и систематизации всего фонда документальных и литературных материалов русского и иностранного происхождения по каждой сибирской территории в отдельности.

Процессы, происходившие в советской исторической науке в 20-30-е годы, во многом связанные с общественно-политической ситуацией в стране, вызвали к жизни серию работ с резко негативной оценкой дореволюционного историографического наследия. Однако такой подход не получил широкого распространения в сибиреведческих исследованиях, а может быть, в какой-то степени обусловил повышенное внимание к источниковедческим проблемам, применительно к которым жесткие социологические привязки были неуместны.

Фундаментальным характером отличаются "Очерки по источниковедению Сибири" А.И. Андреева, и поныне остающиеся классическим образцом источниковедческого анализа. В работе исследуются сибирские летописи и другие документальные, нарративные и картографические материалы XVII-XVIII веков. Специальные разделы "Очерков..." содержат основательный, хотя, разумеется, далеко не исчерпывающий обзор источников по интересующей нас теме.

К бесспорным достижениям отечественного источниковедения следует отнести подготовленный М.П. Алексеевым свод "Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. XIII-XVII вв.". В обширных комментариях к текстам большое внимание уделяется русским источникам и аналогам зарубежных сочинений.

Источниковедческие работы А.И. Андреева и С.В. Бахрушина были с успехом продолжены последующими исследователями. Н.А. Миненко в "Очерках по источниковедению Сибири XVIII-первой половины XIX в." систематизировала документальные и повествовательные материалы в группы статистических, канцелярских, судебно-следственных и актовых документов и экономико-географических и этнографических описаний. Ценные сведения источниковедческого характера содержат труды в области сибирской археографии, текстологии и истории книжности Е.И. Дергачевой-Скоп, Е.К. Ромодановской, Н.А. Дворецкой и других авторов.

Определенный вклад в изучение рассматриваемой темы внесли работы по истории географии, этнографии и археологии. Утверждая интерес к историко-научной проблематике и расширяя границы исследований, ученые 40-50-х годов порой допускали прямолинейные сопоставления взятых вне историографического контекста эпохи идей своих предшественников, зачастую носивших случайный и умозрительный характер, и концептуальных положений современной науки. Широкое распространение получил взгляд на дореволюционных исследователей, как на собирателей фактов, что способствовало вниманию главным образом к содержавшимся в их трудах фактическим данным и затрудняло целостное восприятие произве-

дений как историографических явлений. Малооправданным, тем более при реконструкции прошлого частных научных дисциплин, было противопоставление до- и послеоктябрьского периодов их развития. Не способствовало глубокому и всестороннему пониманию истории географии, этнографии и археологии характерное для определенного периода советской историографии размежевание отечественной и мировой науки. Стремление подчеркнуть приоритет русских исследователей приводило порой к искусственной градации единого познавательного пространства и обедняло многомерность процесса изучения этнических общностей в России.

С течением времени в работах С.А. Токарева, М.О. Косвена, Л.П. Лашука, А.А. Формозова, Л.Р. Кызласова, А.И. Мартынова и других авторов утверждался тезис о самоценном, а не вспомогательном значении историко-научных исследований, о необходимости рассматривать историографические сюжеты на широком общекультурном фоне в контексте политических, социальных и идеологических факторов общественного развития. Успешному изучению начального периода историографии региона способствовала углубленная разработка общих и частных проблем истории Западной Сибири конца XVI-XVIII веков в трудах В.И. Шункова, З.Я. Бояршиновой, А.А. Преображенского, Н.Н. Покровского, А.Н. Копылова, Р.Г. Скрынникова, М.М. Громыко, Н.А. Миненко, Д.Я. Резуна, А.Н. Жеравиной, А.Д. Колесникова, Н.Ф. Емельянова, А.П. Уманского, Н.И. Никитина и других исследователей.

Для правильной интерпретации ранних описаний коренных народов края важное значение имеют работы по западносибирской этнографии и археологии Л.П. Потапова, В.Н. Чернецова, З.П. Соколовой, В.А. Могильникова, В.И. Молодина, И.Н. Гемуева, А.М. Сагалаева, Н.А. Томилова, Г.И. Пелих, В.М. Кулемзина, Н.В. Лукиной, Л.В. Хомич, А.В. Головнева, Л.А. Чиндиной, В.И. Соболева и других авторов. Многих современных ученых отличает хорошее знание предшествующей сибиреведческой литературы и использование собранных в XVII-XVIII веках данных для решения этногенетических вопросов, характеристики материальной и ду-

ховной культуры и социального устройства автохтонов, хотя, естественно, что специальные этнографические и археологические исследования не предполагают анализа письменных источников как историографических памятников.

Создание обзорного монографического труда по историографии Сибири связано с именем В.Г. Мирзоева. По полноте охвата и глубине осмысления ряда проблем и этапов развития исторических представлений эта работа и в настоящее время сохраняет большую ценность. В первой части в качестве исходной основы научного знания исследователь разбирает "отписки" и "скаски" землепроходцев, изучает сибирские летописи, сочинения Н.Г. Спафария, С.У. Ремезова, Ю. Крижанича. Во второй части особый параграф посвящен творчеству Г.И. Новицкого. В одних случаях В.Г. Мирзоев анализирует описания народов Западной Сибири, в других - более общие вопросы отодвигают этот сюжет на задний план. Специальное обращение к данной теме позволяет развить и дополнить, либо уточнить и пересмотреть некоторые оценки и выводы историографа. Дискуссионные моменты рассматриваются в соответствующих разделах диссертации при обсуждении конкретных проблем. Здесь отметим лишь, что жесткое соотнесение в "Историографии Сибири" каждого литературного памятника с определенным общественно-политическим направлением и следование заданным социологическим схемам подчас обедняло конкретно-исторический анализ, включая сложный и многомерный процесс формирования и развития этноисторических представлений.

Проблемно-тематический принцип изучения сибирской историографии доoктябрьского периода был обоснован и успешно реализован в трудах Н.А. Миненко, Л.М. Горюшкина, Д.Я. Резуна, Л.П. Белковец и некоторых других авторов. В частности, Н.А. Миненко и Л.М. Горюшкин сопоставили различные оценки "сибирского взятия" в летописях и других исторических произведениях XVII века и последующего времени. Однако историографию коренных народов они вынесли за рамки своей работы, указав на необходимость ее специального исследования.

В последние годы в историографических и источниковедческих трудах Л.М. Дамешека, В.Ф. Иванова, В.Н. Иванова, З.Д. Титовой, Т.Б. Батуевой получила утверждение и развитие тема аборигенного населения в исторической литературе как особого направления сибирской историографии. Однако по основным содержательным, хронологическим и территориальным параметрам эти исследования отличаются от настоящей работы.

В заключение историографического обзора отметим важность для изучения исторических знаний об автохтонных обитателях Западной Сибири историко-биографических сочинений Л.А. Гольденберга и М.Г. Новлянской, а также трудов по отдельным проблемам и сюжетам рассматриваемой темы Д.Н. Анучина, Л.С. Багрова, Б.П. Полевого, А.И. Плигузова и других авторов.

Новизна работы состоит, во-первых, в ее источниковедческой базе, привлечении и обобщении большого корпуса разнородных источников; во-вторых, и прежде всего - в историографическом плане, поскольку впервые представлено систематическое изложение процесса формирования исторических представлений о сибирских аборигенах в большом хронологическом диапазоне, выявлены основные проблемы и тенденции познания коренных народов Западной Сибири в данную эпоху; в-третьих, в общетеоретическом аспекте, учитывая предпринятую попытку проследить диалог и взаимодействие различных этнокультурных начал, возникновение и трансформацию этнических стереотипов и отражение этих явлений в историографии.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что ее материалы могут быть использованы в научных трудах и учебных пособиях по историографии России XVII-первой трети XVIII века, по истории этнографических и археологических исследований в Сибири, при создании справочно-библиографических и энциклопедических изданий. Полученные результаты представляют интерес для разработки регионального компонента образовательных программ исторического профиля в высших и средних учебных заведениях Сибири. Обращение к истокам контактов

русского и аборигенного населения края и раннему опыту налаживания взаимоприемлемых форм сожительства, возможно, будет полезным в практике современных межнациональных отношений, а также в деятельности по сохранению этнокультурного наследия прошлого.

Апробация работы. Основные положения диссертации докладывались на кафедре краеведения Томского государственного университета и кафедре отечественной истории и лаборатории исторического краеведения Барнаульского педагогического университета, обсуждались на конференциях различного уровня, проходивших в Российском государственном гуманитарном университете, Львовском государственном университете, Институтах филологии и археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Красноярском историко-культурном центре, Омском и Алтайском государственных университетах и других учреждениях. По теме работы опубликованы две книги и серия статей и тезисов в центральных и местных изданиях. Результаты исследования нашли отражение в программах и учебных пособиях для высшей и средней школы, а также в дипломных, магистерских и кандидатских диссертационных сочинениях, выполненных под руководством автора.

При определении **структуры работы** диссертант исходил из поставленной задачи представить по возможности целостный взгляд на русскую историографию коренных народов Западной Сибири конца XVI-первой трети XVIII века и одновременно выделить и акцентировать основные проблемы жизнедеятельности аборигенного населения и проследить эволюцию воззрений на каждую из них. В связи с этим в основу исследования положен проблемно-хронологический принцип изложения, который несет дополнительные сложности композиционного порядка, но позволяет, на наш взгляд, полнее раскрыть заявленную тему.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, примечаний, списков источников и литературы.

Во **введении** определяются актуальность и новизна темы, предмет, цель и задачи исследования, раскрываются территориальные и хронологи-

ческие рамки работы, выявляется содержание некоторых использованных в тексте понятий, предлагается обобщенная характеристика источников и историография проблемы, обосновывается практическая значимость диссертации.

I глава **"Первые письменные свидетельства о коренном населении Сибири (до 70-х годов XVII в.)"** состоит из шести параграфов. §1 **"Сообщения о сибирских автохтонах в доермаковский период"** начинается с рассмотрения сведений о северо-восточных областях и народах в античных письменных памятниках. В них тесно переплелись как достоверные географические и этнографические данные об отдаленных территориях Евразии, так и устные предания, сюжеты "варварской" и греческой мифологии. В средние века на осмысление рассказов о коренном населении Зауралья, проникавших с востока Европы, сильное влияние оказывали христианская система мышления, библейские догматы о происхождении и классификации народов. Античный образ окраины земли как прекрасной страны сказочного богатства и социальной гармонии, идеализация жизни первобытных людей некоторыми древними писателями вытеснялись противоположной оценкой северо-востока как средоточия вечного холода и нищеты с дикими языческими обитателями.

Сведения о приуральском, а возможно, и сибирском населении включены уже в первые летописные своды Древней Руси. В диссертации проанализированы сообщения "Повести временных лет" о жителях Припечорского края и Югры и интерпретация этих данных летописцем. В работе разобраны существующие точки зрения на проблему территориальной локализации и этнической принадлежности летописных югры и самояди и их связи с современными народами.

Материалы о зауральских аборигенах эпизодически попадали на страницы новгородских, московских, вологодско-пермских и устюжских летописей. При этом сибирские этносы интересовали средневековых писателей не сами по себе, а прежде всего как объекты северо-восточной политики русских государственных образований. В центре внимания находил-

ся внешний ход событий: действия дружин в Югре, военные успехи и поражения, взимание дани и увод аманатов. Авторы обычно не задумывались над причинами происходящего и результатами воздействия Руси на внутренний строй коренных народов. Самобытность материальной и духовной культуры автохтонов также представлялась летописцам еще очень неопределенно. Однако, когда дело касалось дипломатических акций или религиозной полемики православия с язычеством, христианские авторы проявляли осведомленность о традиционных обрядах "неверных человек".

В реальной действительности связи русских и зауральских территорий были, очевидно, шире, чем они отразились в летописных текстах, и не сводились к военно-пушной экспансии, а включали длительную практику в какой-то степени взаимовыгодных обменных операций, предполагали знакомство и освоение отдельных, хотя, вероятно, и внешних черт культурных проявлений.

Первым русским развернутым описанием коренного населения Северо-Западной Сибири является сказание "О человецех незнаемых в Восточней стране". Оно свидетельствует о знакомстве русских людей с устным народным творчеством и некоторыми обычаями зауральских автохтонов, понимании этнокультурной неоднородности обитателей отдаленных областей. Сходство природной среды и условий жизни самодийцев не помешало зафиксировать специфические черты в хозяйстве, материальной и духовной культуре отдельных сообществ.

Вместе с тем расширение контактов и накопление информации о жителях Сибири в доермаковский период не сопровождалось одновременным изживанием легендарных образов и механическим заполнением "белых пятен". На осмысление нового материала накладывали отпечаток жанровые особенности литературных произведений, господствовавшие религиозно-мировоззренческие стереотипы, многовековые историографические традиции и сюжеты аборигенного и русского фольклора. Этот же вывод подтверждают данные Югорского дорожника и сочинений иностранных авторов.

В §2 "**Обзор источников конца XVI-первых шести десятилетий XVII в.**" характеризуются использованные в I главе документальные, нарративные и картографические материалы. Делопроизводственные источники раскрывают общие мотивы, цели и задачи политики московского правительства на востоке и содержат разнообразную конкретную информацию о вновь "проведанных" территориях. Документы включают комплекс сведений, предназначенных прежде всего для практического использования в ходе овладения и освоения зауральских земель. Его неотъемлемой частью стали известия о коренных народах.

Необходимость таких свидетельств диктовалась, во-первых, тем, что сибирские просторы были уже давно заселены и требовалось установить определенные нормы взаимоотношений с местными жителями. Во-вторых, в числе главной задачи на востоке московские власти выдвигали регулярный сбор пушного ясака, что также заставляло казачьи отряды, а затем и сибирскую администрацию вступать в непосредственный контакт с аборигенами и собирать о них нужные материалы. Наконец, само проникновение, а тем более обживание незнакомых, труднодоступных территорий в суровых природноклиматических условиях было невозможно без содействия автохтонных обитателей, которые как знатоки своей местности ("памятные бывалцы") выступали проводниками ("вожами"), служили переводчиками ("толмачами"), привлекались в качестве заложников ("аманатов"), несли ямскую ("извозную") повинность, участвовали в строительстве дорог, мостов и крепостей ("городовом деле") и выполняли много других обязанностей.

В "отписках", "скасках", "доездах" и "распросных речах" непосредственные впечатления участников сибирской эпопеи, "народная историография" тесно переплетены с официальным подходом, с выполнением распоряжений властных структур и соблюдением государственных интересов, как их понимали представители служилого сословия.

Показания первопроходцев ложились в основу чертежей и географических росписей, составлявшихся в сибирских городах и острогах. Наряду

со сведениями о путях сообщения и природных объектах они включают некоторые данные о численности, этнической и родоплеменной принадлежности и хозяйстве местного населения. Впоследствии на основе этих материалов складывались чертежные книги отдельных воеводств, а затем и всей Сибири, также содержавшие информацию о коренных народах.

К запискам землепроходцев и географическим росписям близки донесения первых российских дипломатических экспедиций в Китай и государства Центральной Азии, формировавшихся, как правило, в сибирских городах из местных служилых людей, которым такие поручения были "за обычай".

Сведения об автохтонных обитателях Сибири в литературно-исторических произведениях конца XVI-первых шести десятилетий XVII века хотя и немногочисленны, но заслуживают тщательного изучения, поскольку характеризуют важнейшие течения общественно-исторической мысли того времени. Для понимания образа аборигена, запечатленного в сибирских летописях и, в частности, в текстах есиповской группы, важно отметить, что русская литература XVII века еще не освободилась от власти средневековых устоев, а в Сибири идеологические позиции церкви были особенно сильны. Кроме того, в центре литературного творчества стоял здесь Тобольский архиерейский дом Святой Софии.

§3 **"Этносоциальные различия и особенности хозяйственно-бытового уклада"** содержит разбор встречающихся в документальных источниках понятий, указывавших на различные типы и уровни социальных организаций и категории автохтонного населения.

Интерес русских служилых людей к занятиям и материальной культуре коренных народов был связан прежде всего с выполнением практической программы колонизации нового края. Основное внимание уделялось пушному промыслу аборигенов, добыче и обработке полезных ископаемых, распространению земледелия и скотоводства и перспективам торгового обмена с местными жителями.

Сведения о коренных народах Западной Сибири, включенные в состав литературно-исторических памятников рассматриваемой эпохи, в большинстве случаев существенно отличаются от сообщений документальных и близких к ним источников.

Летописи Есиповской группы открываются кратким этногеографическим описанием "страны Сибирской". Самостоятельного значения информация об аборигенных обитателях в летописных текстах, очевидно, не имела. Это лишь фон, предваряющий последующие события и призванный оттенить деяния Ермака и возвысить значимость христианского просвещения Сибири.

В отличие от других летописей специальные данные о коренном населении приведены в Хронографической повести в завершение исторической части и образуют самостоятельный сюжет. Автор произведения, вероятно, использовал современные ему документальные источники или чертежные росписи бассейна Среднего и Верхнего Енисея и части Восточной Сибири, которые он объединил со стандартными книжными известиями о татарах, Пегой орде и пр.

Составители литературно-исторических сочинений, несомненно, имели представление о языковой и культурной неоднородности автохтонов, о чем свидетельствуют краткие указания на особенности хозяйства и быта некоторых народов в Есиповской, Строгановской и Кунгурской летописях или подробный перечень "языков" в Хронографической повести. Однако задача прославления действий русских дружин и обоснования христианско-просветительской миссии православного царства приводила к обобщенной, чаще всего негативной оценке и акцентированию "зверообразного" характера аборигенных культур. Этим во многом объясняется отмеченный современными исследователями "низкий уровень" этнографических сообщений летописцев.

В §4 **"Религиозные верования"** обосновывается, что официальные документы XVII века обращались к духовной культуре коренного населения прежде всего с практической целью: одним из средств принуждения

аборигенов к уплате ясака, как и в прежние времена оставалась шерть. Наказы предписывали проведывать "накрепко" о религиозных воззрениях местных жителей, с тем чтобы приводить к присяге "по их вере".

В служебных материалах часто упоминались "шаманы". Однако русскую администрацию они интересовали главным образом не как служители языческого культа, а в качестве представителей привилегированной верхушки автохтонного общества, на которых можно было возложить ответственность за обеспечение ясачного сбора, либо как знатоки своего края, переводчики и проводники, столь необходимые в предприятиях землепроходцев. В целом, судя по документам служебного делопроизводства, восточноевропейские переселенцы строили отношения с сибирскими аборигенами на практической рациональной основе и крайне редко упоминали о вмешательстве сверхъестественных сил и кознях дьявола.

Внимание большинства литературно-исторических произведений к верованиям коренного населения было обусловлено, как уже отмечалось, богословско-этической концепцией повествований, направленной на разоблачение чуждых религиозных воззрений.

Почти все памятники сибирского летописания прибегают к негативным оценкам нехристианских конфессий. Наиболее яркие обличительные характеристики иноверцев, воспринятые прямо или через посредство других сочинений - из богословской и агиографической литературы, содержит Есиповская летопись. В ней утверждалось, что анафеме подлежат как сторонники "Маометовых заповедей", так и идолопоклонники. В свою очередь, один из главных результатов "сибирского взятия" она связывает с крушением "бесовской службы" и распространением христианства.

В диссертации подчеркивается, что описания религиозных воззрений аборигенных народов в Кунгурской повести разительно отличаются от других летописных текстов. Такие сюжеты органично входят в структуру произведения, несут самостоятельную смысловую нагрузку, а не являются лишь средством для идеологической дискредитации неверных. Более того, эти материалы почти лишены церковно-книжной назидательности, а пере-

даны в форме непритязательных народных сказаний, впитавших различные фольклорные мотивы.

В §5 **"Прошлое сибирских народов"** доказывается, что интерес к сибирским древностям в русском обществе конца XVI-первых шести десятилетий XVII века был вызван практическими задачами "проведывания" новых территорий, открытия обширных скоплений земли для производства селитры, поиска драгоценных металлов и залежей руд. Археологические материалы еще не рассматривались как исторические источники и даже не воспринимались как "куриозные штуфы" и "достопамятности", увлечением которыми будет отмечена петровская эпоха.

Обращение авторов литературно-исторических произведений к прошлому Сибири сопоставимо с традиционным вниманием русских летописцев к изначальной точке исторического отсчета, библейскому первородству и полумифическим родоначальникам. В диссертации рассматриваются причины широкого распространения в Сибири легенды о чуди и особенности ее интерпретации в различных письменных памятниках. Одни писатели выражали сожаление по поводу сомнительной достоверности имеющихся известий о древней истории края (сочинения Есиповской группы), другие вообще игнорировали предание о чуди (Хронографическая повесть), третьи предлагали свои объяснения событий (Бузуновский и Новый летописцы), четвертые в поисках первопоселенцев обращались, наряду с легендарными, к историческим народам ("Ведомость о Китайской земле и о Глубокой Индеи").

§6 **"Аборигены и русские"** посвящен проблеме вхождения сибирских народов в состав Российского государства и складывания нового этнокультурного пространства. Документальные источники позволяют получить некоторое представление об основных направлениях политики московского самодержавия на востоке страны, ее практическом воплощении в отдельных сибирских регионах и взаимоотношениях пришлого и коренного населения. При этом следует учитывать, что материалы служебного делопроизводства обычно концентрируют внимание на конфликтных экс-

траординарных ситуациях, не отражая богатства всей палитры аборигенно-русских связей.

Вырабатывая основы государственной политики в Сибири московская администрация опиралась на многолетнюю практику эксплуатации природных богатств Зауралья, на уже имевшуюся модель взаимодействия русских земель с восточными территориями. В соответствии со сложившимися стереотипами коренные народы вновь приобретенных земель рассматривались прежде всего как потенциальные поставщики "соболиной казны". Исторически сложились и методы принуждения местного населения к выплате дани, включавшие не только военное давление, но и дипломатические акты, "жалование" автохтонной знати, товарообмен и пр.

Документальные источники не дают основания полагать, что в XVII веке была сформулирована идеологическая программа "сибирского взятия". Первые столкновения с кучумлянами трактовались как оборонительные акции и осмысливались в плане многовековой борьбы Руси с Великой Степью. В скором времени в ходе стремительного продвижения на восток такая интерпретация событий теряла под собой всякую основу. В отдельных дипломатических актах, церковных текстах и ряде сибирских летописей подчеркивалась идея христианского просвещения зауральских земель. Однако статуса официальной идеологии сибирской колонизации этот тезис не получил. Квалифицируя свои действия по отношению к аборигенам как службу "великому государю", служилые люди обычно не рассматривали себя как носителей христианско-просветительской миссии.

В ходе закрепления на территории Сибири создавались новые и совершенствовались старые механизмы управления. В зависимости от конкретной обстановки менялись формы "ласки" и "жесточи" и их соотношение, но предпочтение, как правило, отдавалось мирным средствам воздействия. При этом следует учитывать уже подмеченное в исследовательской литературе противоречие между предписаниями центральных властей, стремившихся установить определенные нормы в отношениях с коренным населени-

ем и действиями воевод, казачьих отрядов, ясачных сборщиков, допускавших произвол и массовые злоупотребления.

О формировании образа сибирского аборигена в среде служилого сословия в какой-то мере свидетельствует этническая терминология документальных текстов. Она не имела оценочно-пренебрежительных, а тем более унизительных оттенков, а фиксировала реальную родо-племенную или территориально-административную принадлежность автохтонов.

Вопрос о взаимодействии пришлого и местного населения решался создателями летописей Есиповской группы и "Повести о городах Таре и Тюмени" в соответствии с задачами обличения "поганых" и восхваления "вой християнских". Авторы произведений стремились не столько к достоверности и точности описания событий, сколько к эмоциональной окраске и моральной оценке происходящего.

В Строгановской, Кунгурской и некоторых других летописных сочинениях взгляд на аборигенные народы не столь одномерен, а присутствует хорошо известное по служебным документам сочетание "жесточи" и "ласки" в отношении к коренному населению. Этническая лексика сибирских летописей заметно отличается как от терминологии документов служебного происхождения, так и в зависимости от принадлежности к той или иной группе исторических повествований.

Во вводной части II главы **"Коренные народы Западной Сибири в письменных памятниках последних трех десятилетий XVII-начала XVIII в."** новые явления в историографии сибирских аборигенов связываются как с общими культурологическими и историографическими процессами, происходившими в стране, так и с конкретной ситуацией в западносибирском регионе.

§1 **"Обзор источников"** начинается с характеристики картографических и географо-статистических материалов, в частности, чертежных книг С.У. Ремезова.

Отличительной чертой письменных памятников рассматриваемого времени следует считать появление специальных описаний этногеографи-

ческого характера. Среди них "История Сибири" Ю. Крижанича, "Описание новые земли Сибирского государства" ("Описание Сибири"), "Описание о сибирских народах и граней их земель" С.У. Ремезова, "Северная и Восточная Тартария" Н. Витсена.

Развернутые сообщения о коренных обитателях Западной Сибири содержатся в трудах участников российских посольств Н. Спафария, И. Идеса и А. Бранда. Они продолжают установившуюся ранее практику составления дипломатическими посланниками росписей и статейных списков. Однако по сравнению с донесениями предшествующего времени их работы отличаются не только большей полнотой и разнообразием сведений об аборигенах, но и наличием элементов исследовательского подхода, что во многом, вероятно, можно объяснить привнесением струи европейской "учености" в многолетние наблюдения русских "снискателей" о местном населении.

Значительным своеобразием характеризуются данные об автохтонных народах в летописных произведениях. В 80-х годах XVII века в официальных воеводских и духовных кругах Тобольска создается "Сибирский летописный свод". Ранние редакции памятника - Книга записная (1687 г.), Головинская (1689 г.) включают различные сведения о конкретных событиях и особенностях сибирской действительности; поздние редакции - Нарышкинская (1694 г.), Томский вид (1707 г.) и другие отличаются стандартизированным и обобщенным изложением событий.

В единственном экземпляре сохранилась лицевая "История Сибирская" С.У. Ремезова. В научной литературе отмечалась необходимость ее изучения в едином "ансамбле" иллюстративной и текстовой частей и личности автора, указывалось на наличие в рисунках этнографических деталей. Однако совокупного анализа повествовательного и изобразительного материала применительно к теме коренных народов сделано не было.

В §2 **"Этносоциальные различия и особенности хозяйственно-бытового уклада"** анализируется этнографическая карта 1673 года. Реальная информация о населении Сибири и сопредельных территорий пе-

ремежается здесь с немногочисленными устаревшими названиями. По мнению диссертанта, составитель памятника не просто соединил данные региональных чертежей, а переработал их в соответствии с традиционными историко-картографическими представлениями. Подобная литературная правка перечня этнических групп Горного Алтая, восходящего к "Списку с чертежа Сибирския земли", заметна и в Тобольской редакции "Книги Большому Чертежу".

Обширные сведения чертежных атласов С.У. Ремезова о коренных народах сводились преимущественно к расселению, этнической принадлежности и хозяйственно-промысловой деятельности аборигенов.

Обобщенная характеристика автохтонного населения в "Истории Сибири" Ю. Крижанича сродни представлениям других авторов западного происхождения о носителях чуждой европейцам культуры как людей диких и отсталых, которые ведут исключительно кочевой образ жизни и не имеют "человеческих порядков".

Богатством и разнообразием отличаются материалы о коренных обитателях края в записках Н. Спафария. Обращаясь к вопросу о причинах, побудивших его к составлению описания Сибири и ее народов, автор пересматривает заключение В.Г. Мирзоева о том, что посольство задумывалось как "первая научная экспедиция". Собрав и обобщив различные сведения о сибирских аборигенах, Спафарий вышел далеко за рамки служебных поручений посла и царского наказа о фиксации населения "меж" Сибирью и Китаем. Вероятно, в данном случае можно говорить об исследовательском интересе к теме сибирских народов одного из образованнейших людей своего времени.

Этногеографические сообщения "Описания Сибири" порой оцениваются в научной литературе как бледная копия сочинений Ю. Крижанича и Н. Спафария. Между тем, строже следуя форме путевых росписей и не систематизируя материал по географическим зонам, составитель "Описания..." в ряде случаев передает более точную и подробную информацию, чем его предшественники. В диссертации подчеркивается ориги-

нальный характер свидетельств произведения о коренном населении, не включающего в отличие от трудов писателей западноевропейского происхождения и большинства русских летописей данных об автохтонных верованиях и религиозно-этических оценок, а содержащего деловой реалистический рассказ, близкий по стилю к служебным документальным текстам.

"Описание о сибирских народах и граней их земель" С.У. Ремезова, насколько можно судить по Черепановской летописи, имело специальные статьи о вогуличах, сибирских татарах, калмыках и остяках. По предположению А.И. Андреева, не отвергнутому, но и не поддержанному из-за отсутствия доказательств Л.А. Гольденбергом, сочинение должно было включать и главу о самоедах, которую И. Черепанов заменил сведениями, почерпнутыми у Г.Ф. Миллера.

"Второе описание Ремезова" не сводит характеристику народов к какому-то одному параметру, а дает представление о различных сторонах жизнедеятельности коренных сибиряков. Общая оценка автохтонных культур, как правило, свободна от богословских штампов и обличительных эпитетов. В то же время вполне естественно, что Ремезов воспринимал коренных жителей с позиции человека иной социокультурной общности, которому чужды нравы и обычаи аборигенов.

"Описание о сибирских народах и граней их земель" заметно отличается как от документальных источников с ярко выраженной практической направленностью или путевых росписей с их фиксацией преимущественно внешней стороны наблюдаемых явлений, так и тем более от богословско-обличительных сентенций ряда сибирских летописей. Перед нами итог целенаправленной работы по сбору и обобщению разнородного материала о коренном населении, что сродни исследовательским приемам изыскателей последующего времени. Не без основания, хотя и несколько категорично, М.О. Косвен назвал С.У. Ремезова "первым этнографом Сибири".

Подробные сообщения о сибирских аборигенах, наполненные оригинальными и точными наблюдениями, представлены в путевых записках Избранта Идеса и Адама Бранда. Однако неоднократно зафиксированное

ими в ходе поездки различие языков, культур и антропологических типов не привело к пересмотру утвердившегося в европейской литературе стереотипа о единообразии и дикости большинства жителей Северной Азии. Поддерживая вывод А.И. Андреева о самостоятельном характере записок посольства, диссертант уточняет, что Идес не следовал какому-то конкретному предшествующему описанию маршрута, но при этом широко опирался на устные и, возможно, письменные донесения местных информаторов, а при общей характеристике коренных народов вместе с амстердамскими редакторами не избежал традиционных книжных штампов.

Сообщения о сибирском населении в "Северной и Восточной Тартарии" Н. Витсена представляют из себя мозаичную картину, в которой новейшие реалистические данные перемежаются с устаревшими материалами и литературными стереотипами. При этом писатель шел не по пути отбора и взаимной проверки поступавшей информации, а включал в работу как можно больше сведений о том или ином народе, часто повторявших, а порой и противоречивших друг другу.

Набор упомянутых в "Истории Сибирской" С.У. Ремезова аборигенных сообществ традиционен и призван как и в большинстве других летописных произведений не столько отразить этнокультурную ситуацию в регионе, сколько создать фон для деяний главного героя. Писатель сохранил этногеографическое введение С. Есипова, однако изменил его расположение в тексте, содержание и общую смысловую нагрузку.

В §3 **"Религиозные верования"** показано, что важное место в описаниях сибирских народов отводилось верованиям аборигенов.

Ю. Крижанич в "Истории Сибири" в подтверждение пророческих функций служителей языческого культа приводит легендарное сообщение о шаманском камлании, близкое к рассказу о "болванском молении" в Чандырском городке из Кунгурской повести. Сопоставление текстов с большей вероятностью позволяет говорить об общей фольклорной основе сюжета, чем о непосредственном использовании писателем материалов

Кунгурской летописи, что отрицал и сам Крижанич, но предполагают некоторые современные исследователи.

Интересные данные о религии нижнеиртышских и обских хантов содержатся в записках путешествия Н. Спафария. Склонный к пересмотру воззрений прежних "землеописателей", он традиционное предание о Золотой Бабе переводит в разряд реальной этнографической информации о "капищах" обских угров.

Значительное внимание религиозным воззрениям коренных жителей уделено в "Описании о сибирских народах и граней их земель". При этом сообщения о язычестве и буддизме практически лишены богословско-обличительных оценок, а в сдержанной повествовательной манере раскрывают эту важнейшую сферу духовной культуры. В более критических тонах Ремезов рисует верования мусульман. В то же время именно раздел о религии сибирских татар наглядно показывает зрелость работы тобольского "снискателя", сделавшего шаг навстречу научным принципам отбора и изложения исторических материалов. Впервые среди сибирских писателей и вопреки концепции "Истории Сибирской" Ремезов религиозные обряды мусульман характеризует не с позиций богословского противостояния, а как сдержанный в оценках наблюдатель, у которого отдельные антиисламские выпады не заслонили общей этнографической картины молитвенных действий и атрибутики магометан.

Большой объем материалов о верованиях коренных сибиряков сосредоточен в "Северной и Восточной Тартарии" Н. Витсена. Моралистические оценки иноверцев и баснословные рассказы об аборигенных культах голландский автор, как правило, оставляет за рамками своего труда. Преобладают в тексте нейтральные описания религиозных обрядов автохтонного населения.

Русские летописи конца XVII-начала XVIII века по-прежнему сохраняли враждебный взгляд на чуждые религиозные воззрения. Почти все редакции Сибирского летописного свода вводят краткую, но однозначно негативную оценку нехристианских верований.

В "Истории Сибирской" С.У. Ремезова провиденциальные церковно-просветительные идеи занимают, как отмечалось в литературе, важное место. Писатель стремится не к достоверному изображению молитвенных действий мусульман, а к дискредитации и разоблачению чуждых верований. Отсюда то "чрезвычайно наивное и одностороннее" описание магометанства, о чем с некоторым удивлением писал в одной из ранних работ С.В. Бахрушин. В диссертации прослеживается влияние рассказов Кунгурской повести о языческих культах на оформителей "Истории Сибирской". Изобразительный образ "богыни древней" в свою очередь, вероятно, отразился в повествовательном материале сочинения, заставив приверженцев ислама исполнять языческие обряды.

В §4 **"Прошлое сибирских народов"** раскрываются взгляды авторов последних десятилетий XVII-начала XVIII века на прошлое коренных народов Западной Сибири. Эти представления наглядно показывают состояние и уровень сибирской историографии данного периода, когда новые подходы с трудом пробивались через толщу традиционных установок и идей.

Сообщения писателей о древнейших обитателях края, как и прежде, сводились преимущественно к упоминаниям о чуди. Этим термином называли неизвестный исчезнувший народ или вообще старинное первоначальное население Сибири, а С.У. Ремезов применил его для обозначения сибирских татар домусульманской эпохи. В диссертации отмечено, что обращение автора "Описания о сибирских народах и граней их земель" к генеалогическим легендам о Татаре и Сибире соответствовало канонам средневековых исторических сочинений с их вниманием к полумифическим родоначальникам и внешним этимологическим совпадениям имени прародителя и названия народа (местности).

Интерес русских людей к археологическим памятникам как к местам находок драгоценных изделий, скоплениям земли для "селитреного варенья" и топографическим пунктам сродни практическому отношению к древностям в предшествующее время. Вместе с тем в источниках утверди-

лось разграничение старинных объектов на древние чудские и татарские кучюмовские. Н. Витсен предпринял попытку использовать присланные из Сибири археологические материалы для решения собственно исторических вопросов, хотя и пришел к фантастическим выводам о существовании в крае поселений египетских, китайских и древнехристианских колонистов.

В §5 "**Аборигены и русские**" констатируется, что в историографических памятниках последних трех десятилетий XVII-начала XVIII века в освещении вопросов русско-аборигенного взаимодействия, как и ранее преобладала тема ясачного сбора. Вместе с тем некоторые авторы указывали на возможность более эффективного использования хозяйственного потенциала местных жителей путем расширения торговых контактов и заимствования традиционных промысловых навыков. Так, Ю. Крижанич в осторожной форме выступал с осуждением одномерного ясачного режима, повсеместно насаждавшегося в ходе русской колонизации восточных областей. Он ратовал за мирные отношения, налаживание торговых связей и использование хозяйственного и военного опыта аборигенов. И хотя ссыльный философ во главу угла ставил интересы Российского государства и допускал в отдельных случаях правомерность насильственных действий, его программа объективно создавала предпосылки для более разностороннего развития автохтонных народов.

Значение "сибирского взятия" литературные произведения рассматривали не только в рамках христианско-просветительской концепции, но и выдвигали идею об умиротворении коренного населения, прекращении междоусобиц и установлении в крае "мира и тишины".

Образ аборигена, как и в предшествующее время, не был устоявшимся и однородным, а в некоторых случаях варьировал даже на страницах одного и того же сочинения. При этом европейский стереотип о "зверообразном" характере автохтонных культур изживался с большим трудом. Однако богословские штампы и отрицательные эпитеты в работах, близких к документальным источникам, и в ряде других литературно-

исторических произведений постепенно уступали место нейтральным определениям и реалистическим описаниям.

Во вводной части III главы "**Западносибирские автохтоны в русской историографии второго и третьего десятилетий XVIII в.**" отмечается непосредственное и активное воздействие преобразований и бурных событий петровского времени на историографию коренных народов Западной Сибири рассматриваемого времени.

В §1 "**Обзор источников**" сочинение Г.И. Новицкого "Краткое описание о народе остяцком" (1715) характеризуется как значительное по полноте скрупулезное описание хантов и отчасти манси, реализовавшее ряд принципов и методов, близких к собственно научным изысканиям. Вместе с тем диссертант не склонен преувеличивать, как это имеет место в литературе, исследовательский монографический характер произведения и отождествлять его с позднейшими работами академических экспедиций. При всей фактологической основательности и глубине осмысления этот труд стоит еще за рамками планомерных научных исследований последующей эпохи. Наряду с использованием теории естественного права и признанием роли природно-климатических факторов в жизнедеятельности сибирских аборигенов "Краткое описание..." не свободно от религиозно-этических мотивов и провиденциалистских толкований событий.

Данные о коренном населении Западной Сибири, как и прежде, содержались в путевых записках российских посланников в Китай. Путешественники внесли определенный вклад в собирание и изучение историко-географических материалов. Однако попутный характер наблюдений, привязанных к строго установленному маршруту, не способствовал полноте и систематизации полученных данных, а порой приводил к поверхностным и ошибочным характеристикам сибирских народов. В связи с этим представляется спорным мнение Т.К. Шафрановской, что участников дипломатических миссий (в частности, Л. Ланга) нужно рассматривать не как предшественников ученых экспедиций XVIII века, а включать в их состав.

Крупным событием в изучении Сибири стало путешествие Д.Г. Мессершмидта, немецкого естествоиспытателя, приглашенного на русскую службу Петром I. Анализируя правительственные инструкции исследователю, диссертант приходит к выводу, что они, подобно московским наказам землепроходцам XVII века, во многом связывали итоги экспедиции с получением практически ориентированных результатов. В то же время в них присутствует совершенно новое положение о выявлении и сборе "раритетов". Оно было сродни знаменитым петровским указам о собирании "диковин" и "куриозных" вещей и также свидетельствовало еще не столько о научных целях поездки, сколько о выполнении прикладного поручения по комплектованию экспозиций первого российского музея. Впрочем, здесь утилитарные задачи тесно смыкались с исследовательскими, стимулируя изучение уже собственно научных проблем истории сибирских аборигенов, а также разработку документации, инструментария и методики полевых изысканий.

В §2 "**Этносоциальные различия и особенности хозяйственно-бытового уклада**" подчеркивается, что Г.И. Новицкий в "Кратком описании о народе остяцком" не только тщательно фиксировал этнографические реалии, но и пытался понять причины бытования крайне отсталой по европейским меркам цивилизации и выявить ее наиболее существенные черты. По его представлениям, коренные сообщества Северо-Западной Сибири подчинялись исконным законам естественного права, что привносило в их жизненное устройство "междоусобное друголюбие" и прочие "многия добродетели".

Хозяйственно-бытовой уклад таежных жителей, по наблюдениям Новицкого, теснейшим образом связан с природно-географическими особенностями края. Он сумел подметить рациональный характер обустройства обских угров, ведущих постоянную борьбу за выживание в суровых климатических условиях Севера.

Характеристика Новицким социального устройства хантыйского общества в основном укладывается в рамки родового строя. Взаимоотноше-

ния аборигенной знати и рядовых общинников строились, по его данным, скорее на основе "друголюбнаго себе произволения", чем на власти и силе. В то же время имущественное неравенство, по свидетельству миссионера, глубоко проникло в автохтонную среду. Г. Новицкий зафиксировал также очень важный для эволюции первобытных порядков процесс, в ходе которого накопление собственности приводило к социальному расслоению общества и появлению новой группы вождей, не связанных с родовой аристократией.

Описание коренного населения Сибири в примечаниях к "Родословной истории татар" Абулгази Баядур-хана содержит как традиционные книжные стереотипы, так и нередко вступающие в противоречие с ними, конкретные реалистические данные о народах, очевидно, полученные от информаторов из России.

Подробные сведения о коренных сообществах Западной Сибири оставил российский посланник в Китай Дж. Белл. Во время поездки он обращал внимание не только на внешние экзотические стороны аборигенных культур, но и интересовался обыденными деталями и неброскими бытовыми подробностями. В этом плане путешественник продолжал лучшие традиции путевых записок предшествующего времени и в какой-то степени предвосхищал работы Мессершмидта и последующих академических экспедиций. Вместе с тем попутный характер наблюдений и отсутствие специальной программы этногеографических изысканий оставляют его деятельность за рамками собственно научных исследований.

Характеристика хозяйственно-бытового уклада западносибирских народов в работах Д.Г. Мессершмидта и Ф.И. Страленберга, как правило, основывалась на их личных наблюдениях и по преимуществу свободна от стереотипных оценок и поверхностных скороспелых заключений. Вопреки мнению о "национальном высокомерии" Мессершмидта, в его дневниках практически отсутствуют моралистические рассуждения о неполноценности и зверообразном характере автохтонных культур. Более того, фиксируя различные, в том числе и неприглядные с точки зрения европейцев

стороны жизнедеятельности коренного населения, путешественники выявляли обусловленность подобных явлений средой обитания и указывали на "естественные" нравы местных жителей, не испорченных пороками современной цивилизации. В то же время участникам экспедиции была чужда идеализация аборигенов.

Исследователи не только собрали обширный фактический материал, но и приступили к его теоретическому обобщению. Так, Ф.И. Страленберг в "Северной и восточной части Европы и Азии" четко разграничил ряд принципиально различных этнокультурных сообществ Западной Сибири, привел лингвистические доказательства близости финно-угров и установил родство языков северных и южных самодийских групп. Однако отвергая баснословные и устаревшие теории, путешественники не смогли полностью освободиться от груза многовековых историографических традиций. Отсюда та критика, с которой обрушились первые российские академики даже на такого трезвого наблюдателя и вдумчивого систематизатора, как Ф.И. Страленберг.

В §3 "**Религиозные верования**" отмечается, что в письменных памятниках рассматриваемого времени сохранились уникальные материалы о традиционных воззрениях коренных народов Западной Сибири в переломную для них эпоху активного наступления мировых конфессий. Обычный для европейских наблюдателей интерес к экзотическим верованиям идолопоклонников сочетался с исследовательским подходом к религии аборигенов. Сохраняя, как правило, негативное отношение к языческим культам, писатели стремились тщательно, подчас с документальной точностью зафиксировать все характерные черты и особенности религиозных обрядов.

Важно, что наряду с богословской трактовкой "зловерия", как следствия происков дьявола, отдельные авторы приходят к пониманию того, что причину прочной приверженности автохтонов прежним воззрениям следует искать в реальных условиях их существования и традиционных устоях. Так, склонность простого народа "нечестивому многобожию", по

мнению Г.И. Новицкого, была связана с тяжелым материальным положением большинства аборигенов. Стремление к достатку в условиях нищеты и голода толкало таежных жителей в объятия "мнимых" богов, а отдельные "злохитрецы" ради наживы способствовали "ослеплению" своих соплеменников. Большую роль при этом, по данным миссионера, играла сила традиции, обычаи "древних праотцов". Некоторые группы обских угров были готовы скорее расстаться с жизнью, чем изменить законам своих предков.

В §4 "**Прошлое сибирских народов**" прослеживается, как в результате бурного роста бугровщичества, с одной стороны, и формирования исследовательского интереса к истории Сибири, с другой, появились наряду с традиционными новые трактовки древнейшего прошлого края и происхождения сибирских аборигенов. Легендарная версия о чуди как первоначальном народонаселении Северной Азии начинает уступать место другим, подчас не менее фантастическим гипотезам. При этом четко обозначились два противоположных подхода к этой теме. Одни авторы настаивали на связи древних и современных автохтонных культур, указывая, в частности, на преемственность погребальных обрядов. Другие, вслед за Витсеном, уделяли значительное внимание миграционным процессам и утверждали, что древние цивилизации бесследно исчезли с исторической арены Сибири. Однако обе концепции носили по преимуществу умозрительный характер и были крайне слабо подкреплены конкретным археологическим или этнографическим материалом, что во многом определялось неразработанностью методов исторических исследований. В то же время некоторые авторы в этногенетических построениях стали опираться на лингвистические данные, что позволило им сформулировать сугубо гипотетические, но научные в своей основе положения о происхождении и родстве отдельных групп населения Евразии.

В §5 "**Аборигены и русские**" обосновано, что в историографии второго-третьего десятилетий XVIII века место сибирских автохтонов в российском обществе по-прежнему определялось в соответствии с выполне-

нием ими ясачных повинностей как поставщиков в казну "мягкого золота". Несмотря на то, что статус основной массы коренных обитателей оставался по преимуществу неизменным, в литературе фиксировалось некоторое расширение спектра русско-аборигенных связей. Это касалось не только торгово-хозяйственной деятельности и заимствований в области материальной культуры, но и нашло свое отражение в "благовоспитанности" и быте местных жителей.

Неодинаково происходил процесс врастания в российскую социально-экономическую структуру различных автохтонных сообществ. Наблюдатели отмечали, что политика государства и взаимодействие россиян с татарским мусульманским населением Западной Сибири строились иначе, чем с другими группами аборигенов. С некоторым удивлением писали они о том, что жесткий административный режим давал определенные послабления ("вольности") сибирским татарам, в том числе и в конфессиональной сфере.

Активные меры светских и духовных властей по насаждению христианства среди обских угров не вызвали в российском обществе всплеска религиозного фанатизма и кардинально не изменили устоявшейся практики взаимодействия с коренными народами. Более того, в отличие от официозной церковной позиции ряда ранних сибирских летописцев некоторые авторы данного периода рассматривали крещение не только как сугубо религиозный акт, но и как важнейший, хотя и не единственный фактор приобщения аборигенов к основам европейской цивилизации. В то же время от взгляда наблюдателей не укрылись и отрицательные последствия проникновения в автохтонную среду русской культуры. Под ее воздействием, по сведениям Страленберга, разрушались исконные нравы коренных обитателей края и проникали пороки, обычные для европейского общества.

В **заключении** подводятся основные итоги исследования. Изучение историографии коренных народов Западной Сибири в широком хронологическом диапазоне конца XVI - первой трети XVIII века потребовало ис-

пользования и ранжирования большого массива разнородных источников. Информация о сибирских аборигенах сосредоточивалась не в какой-то определенной группе письменных памятников, а была вкраплена в документальные и картографические материалы, летописи, космографии, записки послов, агиографические и другие сочинения. Со временем появляются специальные этногеографические описания Сибири.

От жанровой принадлежности текстов во многом зависел характер содержавшихся в них сообщений о коренных народах края. Делопроизводственные и близкие к ним источники основное внимание уделяли вопросам ясачного обложения и другим формам взаимодействия с аборигенами. Им присуща структурная четкость, достоверность и конкретность изложения и в то же время заданный служебными предписаниями, как правило, стандартизированный набор сведений об автохтонах. В летописных произведениях, вышедших из религиозных центров, известия о нехристианском населении получали богословско-моралистическую оценку, были призваны разоблачать "неверие" язычников и мусульман. Путевые записки участников российских дипломатических миссий допускали включение обширных данных о различных сторонах материальной и духовной культуры аборигенных народов.

С течением времени совершенствовались приемы и методы изучения коренного населения Западной Сибири. Однако на протяжении всего рассматриваемого периода преобладали личные наблюдения и опросы местных жителей. Наряду с природно-климатическими трудностями европейцам приходилось преодолевать языковой барьер,существенно снижавший возможности взаимного общения. Кроме того, необходимо иметь в виду различия в бытовых укладах, религиозных верованиях и миропонимании русского и аборигенного населения. Однако эти важные обстоятельства при контактах с обитателями Северной Азии учитывались далеко не всегда. Стремление подойти к сибирским автохтонам с мерками иной социокультурной общности, непонимание их особого менталитета было, пожалуй, слабой стороной не только документальных или литературных

памятников, но и в целом системы взаимоотношений представителей российской государственности с коренными народами.

Постепенно расширялась и источниковая база описаний западносибирских аборигенов. Однако научная критика источников находилась еще в зачаточном состоянии и в целом не характерна для подавляющего большинства сочинений данной эпохи. Только на следующем этапе развития исторических знаний в трудах В.Н. Татищева, Г.Ф. Миллера и других ученых будут разработаны приемы использования письменных и вещественных материалов, получат утверждение научные принципы и методы их исследования, что во многом определит становление истории как науки.

Изучение автохтонных обитателей края было тесно связано с решением практических задач. Это прежде всего мероприятия по умиротворению и объясачиванию аборигенного населения и налаживанию эффективного механизма сбора податей. Вместе с тем в соответствии с общим развитием общественной и исторической мысли в последние десятилетия XVII-первой трети XVIII века формируется научный интерес к теме коренных народов Сибири.

В рассматриваемое время происходило не только стихийно-эмпирическое накопление источников, но и шла работа по их интерпретации. На осмысление поступавшего с востока материала существенное влияние оказывали господствовавшие религиозно-мировоззренческие стереотипы и библейские догмы. В соответствии с выросшими на этой основе историографическими традициями в письменные памятники внедрялось негативное отношение к враждебным христианству народам, акцентировался звероподобный характер и примитивное единообразие всех сибирских культур. Вместе с тем представляется излишне категоричным заключение В.Г. Мирзоева о том, что писатели XVII века рабски следовали за Библией и находили в ней "все начала и концы истории". Длительная практика взаимодействий с зауральскими аборигенами вырабатывала рационалистический взгляд на специфику материальной и духовной культуры коренных жителей и заставляла искать объяснения чуждым обычаям не

только в действиях сверхъестественных сил, но и в природно-климатических условиях Севера, традиционных нормах автохтонного общества и других факторах прошлого и настоящего Сибири.

В силу особенностей мировидения человека средневекового и раннего нового времени главной отличительной чертой образа жизни коренных обитателей края обычно считалась их религиозная принадлежность, а не этнические, хозяйственно-бытовые или иные признаки. В сочетании с традиционным интересом европейцев к экзотическим сторонам жизнедеятельности малоизвестных народов это объясняет то исключительное внимание, которое путешественники и писатели уделяли верованиям сибирских идолопоклонников. Многовековая полемика христианства с язычеством и другими конфессиями, обличительный пафос ряда литературных памятников не смогли заслонить действительной картины религиозных представлений автохтонов. Авторы XVII-первой трети XVIII века оставили яркие описания аборигенных культов и ныне представляющие большую этнографическую ценность. С возникновением и распространением элементов исследовательского подхода появляются нейтральные характеристики верований, причем не только языческого, но и мусульманского населения.

Летописные каноны предусматривали фиксацию изначальной точки исторического отсчета, в соответствии с чем большинство литературно-исторических произведений затрагивали вопрос о древнейшем народонаселении края. Наиболее распространенная версия, появившаяся еще в европейской Руси, а возможно, существовавшая в какой-то форме и у зауральских аборигенов в доермаковский период, связывала происхождение первых обитателей сибирских земель с легендарной чудью. Наряду с ней возникали и другие трактовки прошлого Сибири, рассматривавшие в качестве первопоселенцев не только фантастические, но и реальные исторические народы.

Выделенная нами ввиду ее актуальности и недостаточной разработанности в науке проблема сосуществования коренного и пришлого насе-

ления в рамках единого Российского государства и аборигенно-русских связей обычно сводилась в письменных памятниках данного периода к ясачным повинностям, отдельным внешним заимствованиям и редко выходила за рамки простой регистрации фактов. Тем не менее отдельные авторы задумывались о неэффективности чисто экстенсивных мер по увеличению территориальных пределов и насаждению ясачного режима и ратовали за расширение торговли и налаживание других форм взаимоприемлемого сожительства с местными народами.

В диссертации на примере конкретных литературных и документальных текстов прослежены истоки и источники этнических стереотипов, показана их живучесть и устойчивость. Ментальные установки накладывали серьезный отпечаток на характеристику европейцами автохтонных сообществ Сибири. При этом не приходится говорить об одномерности образа коренного жителя края в отечественной историографии конца XVI-первой трети XVIII века. Писатели, далекие от условий сибирской действительности, чаще воспроизводили традиционные представления в неизменном виде. В то же время составители материалов, базировавшиеся на личном опыте, были меньше подвержены воздействию готовых мифологизированных штампов, а формировали свое восприятие аборигенных культур.

Основные положения диссертации отражены в следующих **публикациях:**

1. Первооткрыватели древностей. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. 120 с.
2. Коренные народы Сибири в ранней русской историографии: Учеб. пособие. СПб.-Барнаул: Изд-во Барн. пед. ун-та, 1995. 197 с.
3. Чудские копи Алтая по литературным источникам XVIII в.//250 лет горного производства на Алтае: Тезисы докл. к конф. Барнаул, 1977. С. 27-30.
4. Из истории первых известий по археологии Алтая//Древняя история Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1980. С. 131-138.
5. Вопрос об этнической принадлежности древних обитателей Алтая в трудах дореволюционных исследователей//Археологические памятники лесостепной полосы

Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во Новосиб. пед. ин-та, 1983. С. 3-9.

6. Проблема этнической принадлежности древних обитателей Южной Сибири в работах дореволюционных исследователей//Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов: Тезисы докл. по археологии. Омск, 1983. С. 5-8.
7. Русские рудно-поисковые партии XVIII-начала XIX в. о древних горных разработках Алтая//Охрана и использование памятников истории горного дела и камнерезного искусства Алтайского края: Тезисы докл. к конф. Барнаул, 1986. С. 93-94.
8. Г.И. Спасский о древней истории Сибири//Вопросы историографии Сибири и Алтая. Барнаул: Изд-во Барн. пед. ин-та, 1988. С. 41-51.
9. 290 лет со дня рождения историка, академика, исследователя Алтая Г.Ф. Миллера//Страницы истории Алтая. 1995. Барнаул, 1994. С. 106-108.
10. Курсы по историографии Сибири в системе подготовки студентов-краеведов//Историческое краеведение в школе и вузе: Материалы первой Всеросс. научн. конф. Кемерово, 1994. С. 114-116.
11. Программа спецкурса "Историография Сибири (досоветский период)"//Программы педагогических институтов (для исторических факультетов). Барнаул, 1994. С. 3-8.
12. Реальные представления и легендарная традиция в освещении коренного населения Сибири в средневековой литературе//Этносы Сибири. История и современность: Сб. трудов научно-практ. конф. Красноярск, 1994. С. 75-78.
13. Взаимоотношения русского и коренного населения Сибири в ранней отечественной историографии//Аборигены Сибири. Проблемы изучения исчезающих языков и культур: Тезисы межд. научн. конф. Новосибирск, 1995. С. 108-110.
14. История коренного населения Сибири как объект краеведческой деятельности//Современные проблемы школьного краеведения: Тезисы докл. и выступл. на Всерос. научно-практ. конф. М., 1995. С. 62-64.
15. Курган "Золотарь"//Археология Сибири: историография. Межведомственный сб. научн. трудов. Ч. 1. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1995. С. 67-74.
16. Конференция по этнографии Алтайского края//Этнографическое обозрение. N 1. М., 1995. С. 171-172 (в соавторстве).

17. Древняя история Сибири в литературных памятниках XVII в.//Актуальные проблемы сибирской археологии: Тезисы научн. конф. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 104-106.

18. Использование метода устного опроса в ходе русской колонизации Северной Азии//Историческое краеведение: теория и практика. Материалы Росс. научно-практ. конф. Барнаул, 1996. С. 44-46.

19. Коренное население Сибири (по страницам средневековых письменных памятников)//Алтай. N 3-4. Барнаул, 1996. С. 158-180.

20. Новгородские летописи о походах в Югру//Югра. N 10. Сургут, 1996. С. 22-23.

21. Религиозные верования коренных народов Сибири в трактовке литературных памятников XVII-начала XVIII вв.//Вопросы историографии, истории и археологии. Омск, 1996. С. 10-12.

22. Сведения об Югре в ранних русских письменных памятниках//Югра. N 9. Сургут, 1996. С. 14-15.

23. Сибирские аборигены в структуре российской государственности XVII в.//Этнография Алтая: Материалы II научно-практ. конф. Барнаул, 1996. С. 49-54.

24. Эволюция этнических представлений в России (на материалах историографии коренных народов Сибири)//Россия в новое время. Историческая традиция и проблемы самоидентификации: Материалы межвуз. научн. конф. М.: Росс. гос. гум. ун-т, 1996. С. 88-89.

25. Югра в сфере влияния великого княжества Московского//Югра. N 11. Сургут, 1996. С. 18-19.

26. Югорский дорожник//Югра. N 12. Сургут, 1996. С. 22-23.

27. Автохтонное население в этногеографических обзорах сибирских летописей//Исторический источник. Человек и пространство: Тезисы докл. и сообщ. научн. конф. М.: Росс. гос. гум. ун-т, 1997. С. 174-176.

28. Югра в сочинениях зарубежных писателей X-XVI веков//Югра. N 3. Сургут, 1997. С. 24-27.

29. Русские литературно-исторические сочинения XVII в. о религиозных верованиях коренных народов Сибири//Этнографическое обозрение. N 5. М., 1997. С. 116-121.

30. Некоторые проблемы историографии сибирской колонизации//Международные связи Сибири и Центральной Азии (история и современность): Материалы регион. конф. Барнаул, 1997. С. 22-28.